

А.Грин

РДЯНОЙ БОГ

6+

Анна Грин

Рдяный бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66478570

SelfPub; 2021

Аннотация

Первые люди не знали огня. Летом им хватало солнца и шерсти зверей, а зимой не могли они согреться в своих тёмных пещерах. Тогда Перун сжалился над ними и метнул молнию, от удара которой родился Рдяный бог. Он дарил людям тепло, свет и пищу, а те взамен благодарили его, молились и ухаживали. Но боялись, не смели переносить и делить. И вот однажды...

Анна Грин

Рдяный бог

Как отыскать белого козлёнка на белом снегу? Сложная, на первый взгляд и вовсе безнадежная затея. Но только не для Буйтура. Расправив огромные крылья с рыжими маховыми перьями, тонущими среди густого огненного меха, светящего на шее пышной гривой, он парил вдоль склона, втягивая влажным носом стывший горный воздух, поглядывая вниз пытливym взглядом из-под густых бровей.

– Эгей, Буйтур! – крикнула Агния, подбадривая симаргла. Тот фыркнул и тряхнул головой, отвечая наезднице, ровно заверяя в своих силах.

Подступающая темнота не была помехой могучему зверю. Уже накрыв собой подножия окрестных гор, пядь за пядью поднимаясь выше, она всё ещё уступала лучам закатного солнца, согревающим неоглядные цепи вершин, украшающим вековые сугробы блестящими искрами. Девушка в ладно скроенной из снежной козы кухлянке верхом на игреневоm симаргле пронзали вечернее небо, дополняя картину, нарисованную яркими зимними мазками – густым белым снегом, карминовым светом, чернотой ночи и гор.

Буйтур рыкнул задорно и ухнул вниз, нарочно заставляя наездницу ахнуть. Сложил на мгновение крылья и снова расправил их у самой поверхности, мягко приземляясь на ши-

рокие лапы. Пробежался по хрустящему настилу легко, словно весил не больше снежка в руках ребёнка, остановился у расщелины и согнул лапу, чтобы девушке было сподручней спуститься с его высокой спины.

– Здесь, да? – Агния ловко прыгнула, едва коснувшись живой ступеньки, и тут же оказалась в сугробе почти по пояс. Звонко засмеялась своей промашке, подтянулась, ухватившись за длинную гриву зверя, и вытащила из котомки «симаржи лапы».

– Совсем забыла! – одной рукой девушка прилаживала «лапы» к меховым унтам, а другой по-прежнему держалась за гриву. – Я так с тобой и вовсе ходить разучусь!

По добродушному выражению на морде Буйтура можно было подумать, что тот совсем не против носить свою наездницу всегда и везде, а не только там, где человеку без него никак не справиться.

Последний алый луч мигнул на прощание огоньком по вершинам и сгинул за горизонтом, оставив мир на попечении ночи. Добравшись до расщелины, Агния осторожно посмотрела вниз, пытаясь различить хоть что-то.

– Кечь-кечь! – позвала она козлёнка. Прислушалась. Тщетно. Оглянулась на симаргла, спокойно ожидавшего её. Буйтур не мог ошибиться.

– Кечь-кечь! – вновь позвала девушка, стараясь, чтобы звук её голоса, отталкиваясь от каменных стен, проник как можно глубже. Подождала, прислушиваясь снова. Где-

то внизу скатился камешек, простучал по склону, улетая в пропасть, а затем раздалось робкое «мее-ее!».

– Кечь-кечь, малыш, иди ко мне! – обрадовалась Агния. – Не бойся, милый, давай! Кечь-кечь!

Осторожно прыгая с уступа на уступ, мекая и подолгу топчась на одном месте, снежный козлёнок всё же взбирался вверх, стремясь на человеческий голос. Последний, самый смелый прыжок – и вот, пастушка поймала и прижала к себе пушистое существо, дрожащее всем тельцем, от копыт до зачатков рожек.

– Тихо-тихо, милый, всё хорошо, – Агния погладила козлёнка, успокаивая его, обещая родной загон, тепло и стадо. Вернулась к сямарглу с ношей на руках, забралась летающему зверю на спину, не забыв потрепать того по холке в знак благодарности.

– Молодец, Буйтур! А теперь домой! – порадовала она напарника скорым возвращением, не пытаясь приказывать. Выбрав себе наездника и сладившись с ним, сямаргл зачастую понимал почти всё, что от него требовалось, а потому повелевать им нужды не было. Когда Агния с найдёнышем надёжно устроились, зверь расправил крылья, сделал несколько взмахов, мощным потоком подняв в воздух целую метель, и взмыл к небу, выбирая самый короткий путь к веси.

Среди гор, растянувшихся до самого горизонта, человеку самому передвигаться очень непросто – слишком круты

склоны, слишком глубоки трещины и коварен настил. Здесь живут горные козы, прыгая по отвесным кручам, и, выкапывая из-под снега мёрзлый козий лишайник, разбредаются частенько на десятки вёрст. И живут симарглы – охотники, стада коз загоняющие. И тех, и других боги дали в помощь людям, чтобы и они могли жить под небом сизым, под солнцем красным, среди гор безбрежных, и богов славить.

Пещера, служившая общим домом и человеку, и скотине, длинная и просторная, со множеством ответвлений и маленьких залов, обогревалась козьими шкурами, устилавшими полы и стены, дыханием людей и животных, но главное – большим костром в центральном нефе. Как сказывала большуха Ведагора, старшая среди женщин в веси, давным-давно, когда ещё и её бабки на свете не было, сам Перун благословил это место, проткнув золотой стрелой свод пещеры и запалив костёр, а матушка Мокошь уговорила Рдяного бога сберечь тепло, пока не придут люди. С тех пор огонь никогда не гас в этой пещере, его сохраняли молитвами, благодарили Перуна и Мокошь и жертвовали Рдяному богу козий жир, сухой мох и уголь.

Сегодня очередь Сварна служить огню. Агния отпустила козлёнка в загон для молодняка и как будто невзначай оказалась возле костра.

– Здравствуй, – сказала она юноше, смазывающему жиром резную кость, будущий дар Рдяному богу.

– Здравствуй, Агния, – кивнул Сварн, улыбнулся, поправ-

ляя непослушную прядь на лбу, – ну как, нашла пропажу?

– Наш...ла...шли... Нашли. – Как обычно, в присутствии Сварна, мысли Агнии скакали от его русых волос к голубым глазам, от красивых рубиновых губ к волевому подбородку, ещё не тронутому мужской порослью, а речь девушки сбивалась, становясь невнятной. – Буйтур нашёл.

– Повезло тебе с ситарглом, – покачал головой Сварн, а на лице его, пусть ненадолго, но обрела своё неверное место зависть. Он был старше Агнии на целых два лета, но ещё никто из крылатых зверей не выбрал его. Вот и приходилось парню сидеть дома вместе со стариками, когда почти все сверстники уже летают. Ни охотником, ни пастухом без ситаргла не стать, но и служение Рдяному Богу очень почётно, куда почётнее, чем отбившихся от стада козлят после выгула собирать.

– Д-да, – Агния вспомнила, как проснулась однажды в обнимку с Буйтуром, забравшимся в её залу, и долго смущалась, слушая вокруг свист и улюлюканье, охи старших и поздравления от ровесников, ещё только мечтающих о собственных полётах, – и тебе повезёт, точно. Ближе к весне много молодых ситарглов наездников ищут.

– Уж скорей бы, – парень хмыкнул, и кость в костёр бросил.

Просто бросил? Не положил с молитвой, не поблагодарил богов? Огонь вспыхнул и загудел, лизнув потолок рядом со щелью, выводящей дым наружу. Агния удивлённо по-

топталась на месте, но не нашлась, что сказать. Не ей, молодой пастушке, указывать служителю, как с огнём обращаться. Больно буйный нрав имел Рдяный бог, мог и дар не принять, и весь запалить, уничтожив людское жилище в ярости. А потому был он один на всех, окружён дарами и заботой, охранялся и днём, и ночью, и не каждому позволялось служить ему.

Сон не шёл. Агния долго ворочалась, сбивала шкуры, множеством уложенных слоёв служащих постелью, вставала и поправляла их, снова ложилась, но сон всё равно не шёл. Старчески похрапывающая по соседству Ведагора быть причиной бессонницы не могла, ведь они делили одну залу на двоих не первый год. Встать придётся ни свет, ни заря, выгонять свою часть стада, а потому надо выспаться. Заставив себя зажмурить глаза, Агния начала считать козлят, прыгающих через пропасть, но теперь мешал пробивающийся сквозь веки свет. Снова поднялась, смахнула со стен светлячков, стало темней. Но даже так заснуть не смогла. Только ближе к утру лёгкое покрывало дремоты кое-как накрыло её, и сразу же разорвалось, разбилось о тихий звук шагов. Тёмная мужская фигура возникла на входе в маленькую залу.

– Кто здесь? – Агния соскочила со шкур, но кричать почему-то не стала, спросила шёпотом.

– Твой бог, вестимо, – язвительный ответ тоже прозвучал шёпотом.

– Сварн? – изумилась Агния, – что ты здесь делаешь?

– За тобой пришёл, девица.

– Но... но так же нельзя! – Пастушка отступила назад от надвигающейся фигуры, потом ещё и ещё, пока не упёрлась спиной в холодную стену.

– Почему? – фигура обдала жаром, почти прижалась к ней, но всё же остановилась.

– Ты уже принес свадебный дар Зоряне! – выдохнула Агния, всем своим телом чувствуя мужское пламя и с ужасом понимая, что не может сопротивляться, не хочет.

– Не имеет значения, – ответил он, прижимаясь сильнее.

– Нехорошо, неправильно это, – еле слышно шептала Агния, теряя остатки воли. Ей надобно прогнать его, но она не в силах. Огонь уже захватил её тело, от низа живота до кончиков ушей, только спине было холодно. Ещё немного и...

Удар, оглушающий, звонкий, раздался в центральном нефе, раскатился громом по всей веси, разрезал воздух, разбудил людей, разразился снова. Задребезжали своды, заблеяли козы и зарычали ситарглы. Повскакивали с постелей люди, и как есть, в нижней одежде, покинули свои залы. Разогнав остатки странного сна, очнулась и Агния, обнаружив себя в своей постели ничком: шкуры сползли, обнажив и подставив холоду её спину.

Вместе со всеми девушка бросилась вон из зала, побежала на звук ударов, и вместе со всеми замерла, увидев беду. Старик Везнич бил в большой бубен, созывая род, но люди

смотрели не на него.

Костёр не горел.

Огонь, высокий и стройный, словно юноша, от одного взгляда на которого становится тепло, молчал чёрным кострищем посреди потемневшего зала. Некому больше согреть весь, некому готовить еду, утешать стариков и ласкать теплом младенцев. Разом осиротел род, все десятки семей.

Ещё не мороз, но тишина сковала людей, не давая ни двигаться, ни говорить. Но вот, в одночасье, толпа колыхнулась, выдохнула и заголосила:

– На кого же ты нас покинул, Рдяный бог? На кого оставил? Как жить-то теперь?..

Причитания, одно за другим, под мрачное молчание голосов мужских, женскими переходило в вой, словно не костёр погас – любимый умер. Единственный, самый дорогой, без которого жизнь не мила. Батюшка, возлюбленный, сын.

– Тихо все! – это Родомысл очнулся сам и взялся приводить в чувство других. На то он и главный, большак. – Что здесь случилось? Везнич, кто служил сегодня?

Старик, перестав бить в бубен, прищурился и указал куда-то в сторону собравшихся людей. Из толпы выступил, но скорее, был ею вытолкнут, Сварн. Десятки пар глаз вперились в одинокую фигуру так, словно насквозь её проткнуть намеревались. Сгорбившись от тяжести этих взглядов, под грузом осуждения, вины, юноша как будто разом постарел на два десятка лет.

– Что. Здесь. Случилось? – с нажимом произнося каждое слово, повторил Родомысл. Кустистые брови его сдвинулись, а сам он навис над парнем, как скала.

Сварн молчал, угрюмо уставившись в одну точку. Агнии стало жаль его – таким загнанным он сейчас выглядел. Нет, конечно же, он ни в чём не виноват, пусть только объяснит это всем.

– Ты лучше скажи, почему тебя не было на месте? – вставил своё слово Везнич. Старший над служителями, он даже спать мог рядом с огнём, оттого и холод почувствовал первым.

Сварн не ответил снова. Только взбаламученные ночным переполохом светлячки летали вокруг, оставшись единственным источником света в веси.

– Где. Ты. Был? – словно не вопрос задавал Родомысл, а нажимал, всем своим недюжинным весом. От одного только его тона, даже не видя глаз, Агнии захотелось съёжиться, спрятаться или убежать. Виновник же оставался на месте, недвижим, молчалив.

– У меня он был... – вдруг раздался тихий женский голос.

Сварн вскинулся, но сказать ничего не успел. Толпа ахнула и обернулась. В наспех накинутаой на обнажённое тело кухлянке, растерянная и растрёпанная, со слезами в больших изумрудных глазах, перед всеми предстала Зоряна.

– Тааак... – протянул Родомысл, с ног до головы оглядев Зоряну и снова повернувшись к Сварну, – оставил род без

огня из-за девки? Свадьбы дожидаться неумоготу было?

– Меня казни, Родомысл, – повинился Везнич, – не дорос ещё до служения богу Сварн. Недоглядел я. Понадеялся, доверил.

– Тааак... – снова протянул Родомысл, и сразу, без малейшей заминки, осудил. – Сварн изгой отныне. Симаргла нет у него, так и роду здесь убытка не будет. Зоряна сговорённой невестой останется. Раз не девка, то и других женихов не видеть ей. Везнич, с тебя иной спрос, позже решу.

Зоряна заревела навзрыд, то ли себя жалея, то ли жениха. Который и не жених больше, и не муж, и не человек даже. Так, пустое место. Он стоял всё там же, где настигло его изгнание, только люди теперь глаза отводили, кто стыдливо, кто с жалостью, кто со злостью – поделом, губителю. И не оплакать его, как мёртвого, и не поговорить, как с живым. Одна Агния взгляда оторвать не могла, так и смотрела сквозь пелену мокрых глаз, боясь, что кто-нибудь заметит. Зря боялась – плакали многие. Только другие – о том, как жить без огня, а она – о том, как без Сварна.

– Теперь так, – продолжал Родомысл, – всем оставить свои залы. Селимся сюда, в один общий. Тёплые одежды, шерсть, шкуры приносим с собой. Жить будем все вместе, спать по двое на одной постели. Закупориваем щели, завешиваем проходы, закрываем стены, застилаем пол. Всех коз сюда же, без выгула посадят, тепла сберегут. И симарглов своих приводите, детей к щенятам подложим, так и не за-

мёрзнут, и под присмотром будут. Склады, схроны, все запасы зерна, мха, лишайника, солонины – в общий котёл. Везнич, – обратился Родомысл к старику, – на тебе подсчёт и распределение снеди, чтоб на всю зиму хватило. Лучшее, готовое – женщинам и детям, мужчинам на одной строганине посидеть придётся. Ведагора, – большухе тоже нашлось поручение, – на тебе пряжа и шитьё, перво-наперво меховых мешков для младенцев. Возьми самых сноровистых девок, стоните светляков побольше, да приступайте уже.

Большуха всплеснула руками, повздыхала, но отправилась за куделью. Везнич покачал головой, задумался о чём-то, смолчал. Родомысл перевёл дух и уже спокойнее добавил:

– В тесноте да голодом, дай-то боги, до весны дотянем. А там и к Перуну на поклон отправиться можно будет.

Сетуя и всё ещё причитая, люди начали расходиться, собирать вещи, звать симарглов, обустраиваться. Главного Родомысл добился – делом занятому отчаиваться некогда. Только Зоряна убежала в слезах от стыда, или от чужих глаз осуждающих. Агнии пойти бы за Ведагорой, помогать, но она всё ещё стояла и втихаря смотрела на Сварна.

Свадебные дары приносили по осени. Агния ждала, что друг её детства, с которым они вместе сбегали от взрослых, ныряли в холодное подземное озеро, пускали круги плоскими камешками и всячески шкодили, принесёт свой дар ей. Но он положил котомку, набитую выделанной кожей и резными фигурками, у залы, где жила первая красавица рода,

среди десятка других котомок. А Зоряна возьми да и выбери именно его дары. Узнав об этом, Агния весь вечер и ночь ре-вела навзрыд, зарывшись с головой в шкуры, а утром просну-лась, обнимая не шкуры, а Буйтура. Так её беда преврати-лась в радость, а радость Сварна – напротив, в беду. Свадьбу пришлось отложить, ведь по традиции жених сажает невесту на своего симаргла и трижды обходит с ними вокруг костра, получая благословение Рдяного бога. А как быть, когда си-маргла нет, и Ведагора не знала. Так и ждали свадьбы жених и невеста, даже сроков не представляя.

Теперь же и костра нет, и самого Сварна.

Надо что-то делать. Не может всё закончиться так, не долж-но. Агния дернулась было, подойти, утешить, нарушить за-прет, но под руку ткнулся влажный нос. Буйтур искал свою напарницу.

– Что делать-то теперь, Буйтур? Подскажи, друг, – про-шептала девушка симарглу. Тот шевельнул сложенными на спине крыльями, фыркнул, поднял голову и посмотрел в сто-рону Родомысла, размашистым шагом идущего к своей зале. На ходу большак продолжал раздавать указания, люди то и дело подбегали к нему за помощью и советом. Жизнь всего рода теперь висит на нём неделимой ношей, а он как будто и не замечает тяжести.

– Просить большака? – Агния задумалась, – да, наверное. В ноги упасть, молить за Сварна.

Девушка побежала следом за Родомыслом, но у самой за-

лы большака невольно остановилась, услышав приглушённые голоса. Потом зажала рот руками, чтобы не пискнуть даже.

– Камни перуновы, – это Везнич говорил, с благоговением, – камни перуновы искать надобно. Дай мне симаргла и отправь в Перунову долину, вину искупать. Дорогу знаю, закалку и опыт имею, авось доберусь.

– Не доберёшься, – отрезал большак, – тебе лет-то сколько, Везнич? Симаргла своего пережил, боги сберегли, вот и живи, мудростью своей делись. Волю богов доноси.

– Сиднем сидеть, весны ожидаючи, не получится, Родомысл. Как зима в полную силу войдёт, промёрзнет пещера, шкурами да телами не согреть без костра веси, даже одной залы. Болезни одолевать станут, и от холода, и от голода. От силы через месяц по утрам начнут не просыпаться люди...

– Знаю, Везнич, – к удивлению Агнии спокойно сказал Родомысл, – и что тепла не хватит, и что запасов, всё знаю. Не дотянут люди до весны. Симарглы одичают, съедят коз и дотянут, может, половиной числа. И это всё, что останется от нашего рода. Думаю, Везнич, думаю, дай срок. А лучше совет. Только не совет отправить старика зимой в путь, какой и молодому летом не по силам бывает.

– А кого ещё отправить, Родомысл? Изгоя? Он и летать-то толком не успел научиться, не идут к нему симарглы. Отправь его в недра пещеры лучше, им конца и края нет. Авось смилостивятся боги над ним, дадут камни перуновы найти.

– Были бы здесь камни, уже давно бы нашлись, – хмыкнул большак, – но будь по-твоему, отправлю. В горах без симаргла и дня не протянет, а так будет время на молитвы, может, и правда отмолит. Всё в руках божьих.

– А лететь в долину всё одно надо. Не мне, так другому, и лучше большим числом, – Везнич вздохнул, помолчал, но продолжил настаивать, – иного совета нет у меня, Родомысл.

– Думай. Три дня тебе срок. И мне, – голос большака, наконец, стал похож на голос человека. Не вожака, всегда знающего, что делать, а просто человека, – если ничего не придумаем иного, добровольцев кликну. И сам с ними пойду. Уж лучше в пути сгинуть, чем сидеть и смотреть, как один за другим околеваает народ...

Люди торопились выполнить указания большака, суетились, толкались, перетаскивали вещи. Услышав позади звуки шагов, с детскими голосами, со стариковскими причитаниями, со стуком костяных копий по полу, Агния поспешила прочь.

Светлячки накрывали стену плотным светящимся полотном, дышащим, переливающимся. Как и людям в общем зале, им было тесно на одной стороне, куда их согнали для прялок. Живые огоньки сталкивались, шуршали, заползали друг на друга, то ярче светили, то тускнели. Наблюдать, не отрываясь, можно было бесконечно, но Агния хоть и смотрела, не видела ничего.

– Ты чего замерла? – заворчала на воспитанницу Ведагора, – шевелись-шевелись, кудель сама себя не спрядёт.

Агния вздрогнула и снова взялась за веретено. Прясть у неё получалось не слишком хорошо, зато шерсть собирать – лучше всех. Симарглы послушно сидели под её гребёнкой, терпеливо ожидая, пока она вычешет их, а потому Ведагора закрывала глаза на неровности и узелки, браня Агнию лишь изредка и то для виду. Сама же большуха с лёгкостью выдавала тонкую, на зависть ровную нить, да с такой скоростью, что ни одна другая мастерица за ней не поспевала. Порой казалось, что это Мокошь прядёт за неё, когда Ведагора просто спит.

– Матушка, – решила Агния, – а далеко ли от нас Перунова долина?

– Зачем тебе знать? – бросила на Агнию пытливый взгляд Ведагора.

– Мало ли... – пытаюсь придумать похожий на правду ответ, Агния заволновалась, случайно перетянула нить, да так сильно, что та порвалась, – ой...

Девушка мысленно сжалась, ожидая нагоняй от большухи, но Ведагора смолчала. Посмотрела на порванную нить, короткую судьбу в руках богини Мокоши, на Агнию, спешно пытающуюся исправить оплошность. На Буйтура, сонного и спокойного, лежащего рядом со своей наездницей, на огни светлячков, тепла не дающие. Задумчиво погладила нить, прошептала молитву Мокоши и сказала:

– Если к Разлучнице-горе на рассвете выйти, Дажьбогу поклониться, у Стрибога попутный ветер вымолить и в полёт отправиться, так, чтобы тепло дажьбожье левую руку грело, то за три дня и три ночи добраться можно. Но то летом, на крепком симаргле, дорогу между скалами хорошо видящем. Горы в той стороне трудные, иной раз и сесть негде, летать туда – только удаль свою показывать.

– Три дня и три ночи? – ахнула Агния, – и ночи тоже? А как же ночью лететь без Дажьбога?

– Огонь небесный это не только солнце ясное, но и звезды частые, и стрелы перуновы, – улыбнулась Ведагора, – по звёздам путь и выбирай себе ночью. А как отзвук стрел перуновых услышишь, ответ их в небесах увидишь, знай, что близка долина. На звук и лети.

– И многие туда летали?

– Многие-немногие, долетали не все, а возвращались и того меньше, – печально вздохнула большуха, – Везнич вот летал. Молодой был, глупый, лихостью своей девицу одну отбить хотел, сговорённую, у жениха её. На месяц с лишним пропал, больше сорока дней, еле живой вернулся, уже после свадьбы. Симаргла потерял, ума приобрёл.

– А если бы у него получилось, отбил бы? – Агния изо всех сил пыталась скрыть, как тронула её эта история. Ведагора бросила на девушку ещё один короткий взгляд.

– Кто знает, кто знает... – задумчиво ответила она. И замолчала, вновь взявшись за веретено.

Затихла и Агния, обдумывая всё, что услышала сегодня. До самой ночи растянутого переездом дня было время у неё. И на то, чтобы бояться, и на то, чтобы решиться. И на то, чтобы втихаря, в суматохе, набить снедью котомку и спрятать её в пустом зале. Только бы следом за ней никого не отправляли, а ждали и богам молились, чтобы вернулась, да с камнями.

Уйти среди ночи из общей залы, где спит целый род? Сложная, на первый взгляд и вовсе безнадёжная затея. Но только не для Агнии. Сердце её стучало так сильно, что ни капли сна не подпустило. Хотя глаза девушки были закрыты, а грудь вздымалась ровно-ровно. Дождавшись полной тишины, нарушаемой лишь мерным сопением да громким храпом, бесшумно, почти ползком, Агния перебралась из постели под крыло Буйтура, а уже под ним, потихоньку, шаг за шагом, словно единый зверь о шести лапах – вон из зала. Если и почуяла что Ведагора, спавшая рядом, то виду не подала. Если и увидел кто сквозь сон уходящего симаргла, то девушку под крылом не заметил.

Ночь окатила беглецов холодом, поставила шерсть дыбом, забралась под кухлянку. Агния поёжилась, но отступить не подумала. Обняла Буйтура, зашептала ему на ухо:

– Прости, что долю опасную на двоих взяла, но никак мне без тебя не справиться. Спасать надо и род, и Сварна. Помоги, друг.

Зверь заворчал, тихо-тихо, тряхнул светлой гривой, но

крылья расправил и лапу согнул. В предрассветной темноте скользнула вниз с горы крылатая тень – девушка в белоснежной куклянке верхом на раскрашенном огнём ситаргле.

Разлучница-гора встретила их алыми блестками снежинок под рассветным солнцем. Летящий зверь прошёл над склоном так низко, что едва ли не цеплял кончиками крыльев белые сугробы, пока Агния читала молитву сначала богу солнца, потом богу ветра, и, подумав, богу огня, за которым они отправлялись.

– Вперёд, Буйтур! – крикнула Агния, дочитав молитвы и разобрав направление. Ситаргл сделал крюк, поймал поток и воспарил, набирая высоту в нужную сторону.

Положась на ветер, как на брата родного, Буйтур словно говорил со Стрибогом на общем для них языке и не знал отказа, не терпел капризов, не терял воздушных дорог. Поднимаясь вдоль наветренного склона, высоко-высоко, так, что Агния едва могла дышать, он соскальзывал вниз по невидимым волнам с другой стороны хребта, и летел дальше, к новому, где опять искал восходящий поток. Или, поднявшись невысоко, менял ветра, паря от склона к склону, от вершины к вершине.

Взмах, другой, третий – и крылья замирают надолго, неся двоих словно бы по дороге, извилистой и трудной, со множеством развилки и путей. И, если девушка направляла, показывая, в какой стороне долина, то ситаргл искал тропы, нужные повороты, лучший способ добраться, прийти, долететь.

До самого полудня Дажьбог не оставлял путников, сопровождая и согревая их, но к вечеру закутался тучами, уступил им, заснул. Ветер разом заматерел, окреп, начал спорить с Буйтуром. Следом налегать стал мороз, осел серебром на лице и куклянке, отяготил большие крылья. Всё труднее давался каждый взмах, все меньше парить получалось ситарглу. Опасаясь заплутать без солнца и звёзд, они нашли себе место под прикрытием уступа скалы. До глубокой ночи, вырыв нору в снегу и свернувшись клубком, ситаргл прятал в своем рыжем меху влажный нос и наездницу. А как очистилось небо от туч, осветилось сиянием звезд, нашла Агния Путевое созвездие, поняла куда дальше лететь, так и продолжилась их дорога, в темноте, растворённой лишь белым снегом и далёким светом множества небесных камельков.

Второй день вышел куда тяжелей, хотя солнце взошло и пыталось согреть, не давало сбиться с пути. Суровый мороз вконец разозлился, схватился за мех, за лицо и за перья, повис на маховых тяжелыми льдинками, на кроющих – мутным узором. К вечеру Буйтур совсем выдохся, пришлось садиться на землю. Спрыгнув с ситаргла, Агния приладила «лапы» и отправилась дальше пешком, ведя друга за собой. Этой ночью лучше не спать на снегу, слишком холодно. Медленно, но верно, всё ближе к цели, и не замёрзнешь, пока идешь, и крылья отдыхают. Оставляя цепочку следов, четырёх широких и пары небольших, удивляя ею дикий, девственный снег, человек и зверь шли упрямо, потихоньку продвигаясь

всё дальше.

Шаг, другой, третий. Поднялась метель, затопила небо и замела следы. Захватила в плен дыхание, крылья и руки. Захотелось остановиться, упасть и уснуть. Зарыться в снег, закутаться в тепло, забыть про всех и про всё. Про мать, умершую давно, про отца, сгинувшего в горах, про Ведагору, воспитавшую её как свою. Про род, в котором не бывает сирот, где каждый в ответе за всех. Про изгнанника Сварна, про весь без огня, про то, как много людей отправится следом и не осилит пути, а сколько не выдержит ожидания. Она молодая, сильная, она дойдёт. И Буйтур справится, он крепкий, могучий, самый лучший среди всех горных псов. Ей с ним так повезло. Ещё шажок, и ещё один.

Метель бушевала, уходило время, таяли силы. Шли пешком, падали и поднимались. Пытались взлететь, хотя бы ненадолго. То тучи над головой, то звёзды, а может быть, солнце, и уже давно день? Нет, звёзды, солнце было вчера. Смилуйся, Стрибог, уйми ветра, успокой метель. Покажись, Дажьбог, не дай заплутать. Прости, Перун, за огонь. Но снежная пелена как накрыла с головой, так и лежала, не желая растворяться, не давая пробиться огню небесному. Агния совсем потеряла счёт времени, казалось, что прошла уже целая вечность, что они давно сбилась с пути, но тут откликнулся на молитвы сам Перун. Метнул стрелу золотую, распоров пелену метели, разорвав тишину рокотом.

– Ещё немного, Буйтур, – с трудом проговорила Агния, –

слышишь? Близка долина, осталось чуть-чуть.

Язык не слушался, губы лопались и облезали, кожа трещала от холода, а тело гудело от усталости. Не было сил ни двигаться, ни стоять, ни лететь. Только цепляясь за гриву, слыша дыхание друга, можно сделать ещё один шаг. И ещё. Взобраться на шею, повиснуть, скатиться с горы, подняться, взлететь, приземлиться. И снова шагнуть.

Чуть ослабла метель, расступилась, показав утро, разошлись горы, обнажили долину, с мёрзлым озером, с белыми торосами, с тёмными прогалинами, с цепью скал на другой стороне, всё ещё пеленой укрытых. Чиркнуло лучами по снегу восходящее солнце и тут же спряталось за тяжёлыми тучами. Ударила стрела перунова, словно не снег кругом лежал, а была весенняя гроза.

– Добрались... – Агния всё ещё держалась за гриву и не верила глазам своим. Стояла и смотрела, на лёд, на метель, на торосы. На голые камни, на бьющие стрелы. На огонь вдалеке.

Огонь?

– Бежим, Буйтур! Там огонь! Там люди! – Откуда-то взяв силы, Агния бросилась вперед, и сорвалась, кубарем покатившись вниз, под скалу. Только крепкие зубы ситаргла, в пару мощных прыжков догнавшего и ухватившего её за рукав, удержали девушку от беды. – Ай! Буйтур! Отпусти! Нам надо туда!

Ситаргл спланировал на голый скалистый уступ и по-

слушно отпустил беглянку, аккуратно поставив на неровные камни. Только заворчал недовольно.

– Не ворчи, нам правда надо... – начала было Агния, но заметила, как под ногами блеснул огонёк. Наклонилась, подобрала большой, странного жёлтого цвета, камень. Он как будто ловил каждый лучик Дажьбога, а, поймав, блестел искрами радости.

– Перунов камень... – прошептала девушка. Хоть и не видела его никогда прежде, но сразу догадалась, что у неё в руках, – Буйтур, мы нашли его!

Симаргл не просто ворчал недовольно. Склонив голову низко к земле, обнажив клыки, он глядел исподлобья в сторону Агнии и злобно рычал. С трудом оторвав взгляд от камня в руках, девушка непонимающе посмотрела на друга. И только потом заметила тёмную тень, накрывшую их обоих. Обернулась – и ахнула.

Наполовину высунувшись из расщелины, разинув клыкастую пасть, над ними навис черный змей. Чешуя его, покрывавшая длинное тело, переливалась на солнце, на спине переходя в кожистые крылья. Между чешуйками пробивались клочья плотного чёрного меха, а дыхание разило смрадом.

– Велес...

Змей зашипел, подобрался, и ринулся на Агнию.

Но не успел. Путь ему преградил Буйтур. Два рыка слились в один общий, два зверя вцепились друг в друга, покатились по снегу одним черно-рыжим клубком, полетели пе-

рья и шерсть, замелькали клыки, захлопали крылья, брызнула алая кровь. Спряталось за тучами солнце, испугавшись, померкло, когда змей, ускользя из пасти ситаргла, обвинил того своим длинным телом и сжал. Чем сильнее сжимались смертоносные кольца, тем темней становилось вокруг. И тем тише выходило рычание, и всё медленней бились крылья измотанного долгой дорогой Буйтура.

Потемнело в глазах у Агнии, беспомощно на бой смотрящей, когда поняла она, что сейчас, в этот миг, потеряет лучшего друга. самого близкого, самого верного, самого надёжного. И ничто в целом мире не может быть важнее сейчас, чем его жизнь. Закричала девушка изо всех своих сил, громко, отчаянно, всю боль и весь ужас вложив в этот вопль. И в бросок, отправив в голову змею то, что было в руках у неё.

– Беги, Буйтур! Беги! – вопль в крик перешёл, но тише не стал. Лишь на мгновение отвлёкся Велес, камнем перуновым удар получив, но довольно, чтобы ситаргл всеми лапами оттолкнул того от себя, разомкнув змеиные кольца, и нырнул со скалы в объятия ветра.

– Беги, Буйтур! – всё ещё кричала Агния, когда змей, поднявшись, зашипел, отряхнулся, и отправился к ней. Медленно приближаясь, словно смакуя каждый миг, каждую пядь, отделяющую его от девушки.

Бежать? По снегу? От Велеса-бога? Агния просто смотрела, как черная смерть подползает всё ближе, нависает над ней. Вот уже различимы все вмятинки в чешуе, все трещин-

ки в крыльях, все щербинки в клыках. Сейчас он схватит её и утащит под землю, в мир Нави.

Удар!

Это смерть такая? Хриплое дыхание, теплая шерсть и объятия лап. Свист ветра в ушах и до боли знакомый шелест крыльев. Агния судорожно вдохнула и открыла глаза. Сделав круг и зайдя с подветренной стороны, Буйтур вырвал её из-под клыков Велеса. Взмах, другой, третий – ситаргл летел ввысь, как можно дальше от земли, как можно ближе к солнцу, зажав в зубах ворот белой кухлянки. Вцепившись в гриву, крепко, до разодранных в кровь пальцев, наездница перебралась другу на спину, и, прижавшись к нему, зашептала:

– Вперёд, Буйтур. Выше, выше, ещё. Быстрее, прошу.

Тучи всё ещё прятали божий свет, темноту вокруг не прогоняли. Девушка в козьей кухлянке, порванной и в крови, верхом на игреневом ситаргле, пронзала серое небо, пытаясь бежать от неласковой встречи, от чёрного змея, летящего следом. Где ты, огонь небесный, где ты, солнце ясное, где ты, небо синее?

– Отец ветра Стрибог! – сначала тихо, а потом всё громче заговорила Агния, – слава тебе, вездесущему, слава сыновьям твоим, ветрам – стрибожичам! Прибуди, боже, с нами, в небе и на земле, на чужбине и родной земле, наполни крылья правые, разгони тучи тёмные, пусти солнца лучи на землю!

Кровь стекала по рыжей шерсти и капала вниз, от запаха

её бесновался змей, догоняя. Буйтур хрипел, высунув язык и тяжело дыша, но продолжал тянуться ввысь, из последних сил налегая на крылья. Его не нужно было просить, он сам сделает всё для друга. Даже ценой своей жизни.

– Солнце красное, отец наш, Дажьбог! – Агния продолжала молить богов, это всё, что она могла сделать для друга. Для них двоих. Для всего рода. – Слава тебе, отделяющему Явь от Нави, день от ночи! Слава тебе, жизнь и красоту создающему, тепло и пищу дающему! Прибуди, боже, с нами, освети небо и землю, разогрей силу правую, отними у неправого!

Змей щелкнул пастью, норовя ухватить Буйтура, так близко он подобрался. Раззадоренный погоней, забывший про всё на свете, даже про осторожность. Подул ветер холодный, да такой сильный, что едва не задохнулась Агния, с трудом удержавшись, зато симаргл смог сделать рывок, уходя от клыков змея.

– Перун великий! – откашлявшись, продолжала Агния, наверное, её голос сейчас такой же хриплый, как и дыхание Буйтура, – трижды слава тебе, и в Яви, и в Нави, и в Праве, во всех трёх мирах силу свою утвердившему! Прибуди, боже, с нами, яви грозу небесную, озари даром своим, помоги одолеть врага твоего!

Солнце появилось из-за туч, прошлось теплым лучом по рыжей шерсти, скользнуло ярким отсветом вниз, заглянуло в глаза чёрного Велеса. Слепо сощурившись, змей подзем-

ный мотанул головой, сбился с ритма, потерял сложный ветер, отстал. На малое время и недалеко, но довольно, чтобы Буйтур успел поменять потоки и ускориться не за силу, а за ветер. Надолго ли? Сколько ещё будет гнать их Велес?

Нисколько, сказал своё слово Перун. Стрела-молния разорвала небо, оглушила громом и пронзила чёрного змея, упавшего замертво. Но ещё не один круг сделал Буйтур, словно ждал, что поднимется Велес, и никак не мог поверить, что всё закончилось.

Только к вечеру добрались они до того костра, что видели утром. Не спеша, отдыхая, пытаясь найти по пути новый камень перунов. Тщетно. Ничего не оставалось, как отогреться хотя бы, может даже огнём попросить поделиться. Как нести его три дня и три ночи, Агния не представляла, да и мёртвым такой огонь будет. Но уж лучше такой, чем совсем без него, а живой уже летом добудут. Главное, чтобы поделились люди, не убоились Рдяного бога прогневать.

Свет огня привёл их в пещеру, небольшую, но хорошо прогретую, даже чересчур. Немудрено – такой громадный костёр на такую маленькую залу. Или это они с Буйтуром так замёрзли, что даже крошечный камелёк им сейчас показался бы огромным родовым костром. Рядом с огнём сидел человек. Один. Юноша, молодой и нарядный, с ярко-рыжими волосами, непослушной волной спадающими на его кухлянку.

– О, девица, сама пришла. Здравствуй, – сверкнув озорным огоньком в глазах, юноша заговорил так, как будто дав-

но знал Агнию и был ей чуть ли не женихом, – и ты, брат, здравствуй, – улыбнулся он, обратившись к симарглу, – проходите, грейтесь.

Агния так оторопела от того, что увидела, от того, что услышала, от того, что пережила за эти дни, что не смогла ничего сказать или сделать в ответ. Не знала даже, что и думать. Зато Буйтур, кажется, знал. Оглядел парня пытливым взором из-под густых бровей, фыркнул добродушно и воспользовался приглашением. Спокойно подошёл, зевнул, и улегся возле огня, отдыхать и зализывать раны.

– И ты здравствуй, коли не шутишь, – Агния во все глаза смотрела на Буйтура, так спокойно реагирующего на чужого, совсем незнакомого человека.

– Не шучу, – снова хитро ответил юноша. – Вот, котомку возьми. Не лазить же тебе по долине неделю.

Агния осмелела, подошла, села рядом. Раз уж и хозяин приглашает, и Буйтур доверяет. Протянула руку к предложенной котомке... и отдернула её.

– Но... но так же нельзя! – воскликнула она.

– Почему? – юноша казался слегка озадаченным, но так, как будто Агния его больше насмешила, чем удивила.

– Это же свадебная котомка с даром!

– Не имеет значения, – ответил он, открывая котомку и показывая, что внутри, – насильно мил всё равно не будешь.

Внутри лежали два камня. Один жёлтый, жадно ловящий огненные отсветы костра и блестящий ими, другой поскром-

нее, розово-серый.

– Берёшь розовый, бьёшь им по жёлтому, – пояснил юноша, – получаешь живой огонь. И можно не один.

«Вот так просто», – подумала Агния, изумлённо глядя то на камни, то на юношу.

– Я б давно ваших научил, но вы меня так боитесь, что даже имя вслух не произносите. Не то, чтобы двоих развести. Поди и забыли уже, как звать. – Юноша загрустил, но всего на мгновение. Тряхнул рыжей головой, отгоняя печаль, подмигнул Агнии: – Ведь забыли же?

Агния уже поняла, кто перед ней, только поверить никак не могла. Парень поднялся и направился к выходу, весело насвистывая. Оставляя ошарашенную девушку с ситарглом возле своего костра. Перед тем, как выйти, вдруг обернулся, и, будто случайно, обронил:

– Насчёт котомки. Захочешь принять как свадебный дар – возвращайся с ней летом. Дорогу вы теперь оба хорошо знаете, – Рдяный бог подмигнул снова, а затем растворился в холодной темноте.

Вернулись они посреди ночи, тихонько пролезли в недра родной пещеры и до утра разыскивали там Сварна. Несложная задача для Буйтура, только как-то неохотно он её выполнял. Или просто устал, как невероятно устала сама Агния. Завидев девушку и плетущегося за ней ситаргла, изгой замер, сидя на месте и делая вид, что никого не замечает. Не

смея ни смотреть, ни говорить. Только глаза его, кажется, покраснели от слёз. Или это огонь светлячков чудит?

– Вот, – сказала Агния, протягивая парню перуновы камни, – возвращайся к веси. Тебя простят.

Сварн непонимающе уставился на камни, взял их, покрутил в руках, и только потом понял, что это.

– Где... ты их взяла? – спросил он.

– В долину Перунову слетала... слетали, – пожав плечами, ответила Агния. Как будто в соседнюю залу сходила, а не жизнью рисковала. Не было никаких сил говорить иначе. Или просто все чувства её вымерзли с крепким морозом, с хрустом разломались под снегом, унеслись по горам с метелью.

Сварн посмотрел на Агнию так, как будто впервые её увидел. Поднялся, отряхнулся, отвёл глаза в сторону. Интересно, о чём он думает сейчас? Отчего Зоряна не пошла за ним в изгнание? Не полетела ради него в долину? Почему спасение принесла Агния?

– И? Что мне сделать? – наконец, спросил он, – как с тобой расплатиться?

«Женись на мне», – ещё недавно сказала бы счастливая Агния. Теперь же она смотрела на предмет своих грёз, серого, от долгих дней, проведённых в темноте и одиночестве, юношу. С трясущимися руками, с грязным подбородком, с посиневшими от холода губами, сложившимися в тонкую, как будто от обиды изогнутую нить. Человека, потерявшего

огонь, и не сказавшего за его возвращение даже «спасибо». Расплатиться? Насильно мил не будешь. Если сам не захочет, то зачем ей это?

– Ничего не надо, – сказала она, – просто возвращайся.

Повернулась и, взявшись за гриву Буйтура, отправилась с ним вверх, не оглядываясь.